

Любовь Иосифовна Соболева
(Минск, Беларусь)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ИХ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Abstract: This article analyzes the phonetic structure of the fragment of the poetic text. Analysis of vocalic and consonant structures of each line and stanza as a whole, determination of interlinear correlation of vowels and consonants allow not only identifying the isomorphism of the phonetic structures of whole and part, but also revealing the phonetic means of text determination and probability creation, which demonstrates realization of compensatory function of rigid phonetic structures in semantically obscure poetic texts.

Keywords: phonetic structures, isomorphism, semantic ambiguity.

Особенности поздней поэтики Мандельштама, в частности – поэтики воронежского периода, по мнению М.Л. Гаспарова и Н. Стуже, заключаются в следующем: отдалённость ассоциаций, гипертрофированная полисемия, приземлённость, “грубость” образов и постоянно изменяющаяся в синтагматике текста метафора, обилие аллитераций, доминирование звуковых связей над смысловыми (Гаспаров 1995: 364; Стуже 1992: 204-205). Эти черты, на наш взгляд, наиболее точно характеризуют исследуемый текст: четыре строки, написанные в апреле 1935 г. после года молчания и ставшие впоследствии, к 18 июня 1935 г., последней строфой шестистрофного стихотворения “Скрипачка” (или “За Паганини длиннопалым...”), а также открывшие новый, предпоследний, период творческой активности поэта, длящийся с апреля по июль 1935 г.:

*Играй же на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту,
Три чёрта было – ты четвёртый,
Последний, чудный чёрт в цвету. –*

Классическое музыкальное произведение (напомним, что текст четверостишия был написан после воронежского концерта 25-летней скрипачки Галины Бариновой, который состоялся 5 апреля 1935 года) как семантически неопределённый аудиосигнал, являющийся мощным эмоциональным стимулом, мог или должен был стимулировать появление аналогичного по структуре знака-реакции: метафорически избыточного текста с большой долей семантической неопределённости, а потому сложного для дешифровки, но в звуковом отношении (фонетически) очень жёстко организованного. Анализ фонетической структуры очень маленького по объёму, но чрезвычайно важного для периодизации творчества поэта, текста и является целью данной работы.

Анаграммы. Отсутствие свободы слова, литературной среды, невозможность быть услышанным – трагедия для поэта. Возможно поэтому в семантически неопределенном кратком тексте содержится анаграмма – лексема *рот*: I (ао)*рты*; II *рту*; III (че)*рта*; (четыре)*рты*(й); IV (че)*рт*[р^бт]. Если невозможна семиотика естественного (человеческого) языка, то остается только биологическая семиотика: *С кошачьей головой во рту*. Заметим, что только в этой строке, где констатируется подмена семиотик, самостоятельно употребляется лексема *рот*. Физиологический объект в результате метонимического переноса у Мандельштама становится символом психологического состояния: предельного напряжения: образ аорты (*Играй же на разрыв аорты; Наливаются кровью аорты; Расширеньем аорты могущества...*), или отчаяния немоты. В связи с последним вспомним многочисленные строки современников Осипа Мандельштама. Вспомним «Реквием» Анны Ахматовой: *И если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит стомиллионный народ*. Вспомним стихи Марии Петровых, один из сборников которой так и называется «Домолчаться до стихов»: *И я молчу десятки лет / Молчаньем горькой родины* («Что ж ты молчишь из года в год...»); *Все большие мы боимся слов / И верим немоте, / И путь жесток, и век суров, / И все слова не те* («Хоть не лелей, хоть не голубь...»); *Мученикам немоты* («Новый год тайком, украдкой...»); *Для сердца легче смерть, чем мертвые слова* («Сквозь сон рванешься ты померяться с судьбою...»); *А нас еще ведь спросят – как могли вы / Терпеть такое, как молчать могли? / Как смели немоты удел счастливый / Заранее похитить у земли?..* («Есть очень много страшного на свете...»); *О, как сердце отравлено / Немотой многолетнею* («Ни ахматовской кротости...»); *Самозащита немой свободы... / Только глухие, незрячие годы, / Намертво сомкнутые уста, / Холод, и темень, и немота* («Тихие воды, глубокие воды...»).

Заметим, что констатация подмены семиотик встречается в текстах Мандельштама не впервые. В сочиненной в ноябре 1933 года и ставшей одной из причин гибели поэта “лютой” и “самоубийственной”, по словам М.Л. Гаспарова (Гаспаров 1995: 360), эпиграмме Мандельштама на Сталина «Мы живем под собою не чуя страны...» называются результаты вторичных квазиречевых актов, когда членораздельная человеческая речь заменяется нечленораздельной речью (*бабачит*) или речью животных: *Кто свисти, кто мяучит, кто хнычет, / Он один лишь бабачит и тычет*. Метафора здесь формируется двумя противоположными семантическими явлениями: расширением и примитивизацией референциальной ситуации.

Аллитерация. Декодирование поэтического текста, характеризующегося большой степенью семантической неопределенности, часто опирается на анализ субзнакового уровня, происходит при учете аллитерации и поиске анаграмм. Важно

соотношение аллитерирующих единиц и лексико-семантических доминант текста.. Так, анализ стихотворения Марины Цветаевой «Блаженны дочерей твоих, земля...» из цикла «Хвала Афродите» показал, что существует обратная корреляция симметрично организованных фонологических структур и лексико-семантических структур: чем жестче фонологические структуры всего текста, тем слабее реализуются в тексте системные связи единиц лексического уровня. При этом лексемы, содержащие наибольшее число аллитерирующих элементов, образуют семантический центр текста. Подчеркнем, речь идет не о семантическом сближении ритмических аллитерирующих элементов, не о порождении сверхсмысла за счет повторяющихся субзнаковых элементов, а о том, что лексически выраженный смысловой центр поэтического текста одновременно является и сгустком аллитерации (Соболева 1991: 257).

Звуковые доминанты стиха могут формировать коннотацию текста, а также изменять его смысловые акценты. В стихотворении Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», написанном в 1918 году частотны звуки, которые отрицательно оцениваются по шкале Осгуда: это 50 употреблений свистящих, 39 – шипящих (они присутствуют почти в трети словоформ: в 39 из 139), 23 – дрожащего [р], который 13 раз встречается в составе консонантных звуковых комплексов: [гр], [пр], [кр], [рв], [рд], [рж]. Причем дрожащие более частотны в начале текста (имитация ударов) и в конце текста (при констатации двигательной и речевой активности лошади). Может быть, нагнетание шипящих в центральной части стиха имитирует шелест речи или шепот, когда человек обращается к лошади. Но горестно, что улица «безъязыкая». Всеобщая уличная звуковая вакханалия отражается лексемами: *били (копыта), пели (копыта), грохнулась, зазвенел, зазвякал, ржанула, смеялся, смех, голос, в вой, в шелесте, (слушайте)*. Среди словоформ текста нет ни одной, называющей собственно человеческую членораздельную речь; в ситуации повествования нет собеседника среди людей (Соболева 2009а: 193).

Семантизация текста. Известно, что в отличие от интонации, тембра, гармонии, мелодии, (за которые отвечает правое полушарие коры головного мозга), функции, связанные с ритмом, коррелируют с речевыми функциями (находящимися в ведении левого полушария). В силу активности нервно-психических процессов человеческий мозг постоянно выполняет систематизирующую, организующую и предсказательную функции. Склонность к прогностическим прикидкам; детерминативность переработки информации (требование определённости), синтетическая направленность нервной деятельности (поиск формы даже там, где её нет) (Тернер, Пёппель 1995: 74-79) приводят к тому, что более организованная форма воспринимается как более семиотичная, соответствуя функциональным потребностям мозга. Чем больше организован объект

эстетически, тем проще и быстрее ему приписывается некий смысл. Такими эстетическими свойствами даже бессмысленного текста являются ритм (как некая детерминанта и одновременно – дискретность, как условие иерархичности) и звук (фонетическое оформление). Поэтому поэтические тексты с жёсткой и сложной фонетической структурой могут задавать читателю более сильный импульс для дешифровки (в связи с целью данного исследования мы сознательно игнорируем роль такого мощного фактора смыслообразования, как грамматическая правильность текста). Всё сказанное позволяет считать жёсткие фонетические структуры по отношению к лексико-семантической, смысловой, структуре стиха не только вспомогательным, но и компенсаторным средством.

Ритмика текста. Анализируемая строфа из стихотворения «За Паганини длиннопалым...» написана четырёхстопным ямбом с перекрёстной рифмой. Ритмическая форма строфы сложна, так как в первых двух строках она является трёхударной, с пропуском ударения на четвёртом слоге, а в третьей и четвёртой строках – четырёхударной. В тексте присутствует урегулированное чередование женской и мужской рифмы: **ЖМЖМ**, причём женская рифма является йотированной (что допускалось ещё в 18 в.), а мужская – точной, женская – разнородной, а мужская – однородной. Строфа является неравномерной, с часто встречающимся в поэтических текстах чередованием длинных и коротких строк: **ДЖДЖ**. Следует отметить, что мужская точная однородная рифма в завершающей короткой строке создаёт ощущение исчерпанности информации. Возможно, это одна из неосознаваемых причин того, что исходная строфа стала заключительной в окончательном варианте стихотворения.

Фонетическая структура и «фонетические срезы» текста. Анализ фонетической структуры стиха показал, что фонетическая упорядоченность сохраняется и при расчленении звуковой модели стиха (Соболева 2009б). Ниже представлены «фонетические срезы», виртуальные модели фонетической структуры стиха, часто формирующиеся в результате искусственно заданных параметров, а именно: постулирования или исключения определенных дифференциальных признаков фонемы.

1. Представим фонетическую транскрипцию каждой строки и проанализируем их звуковую организацию.

1.1. В первой строке: **играѢ жь нь рлзрѣф лѡрты** – опустим все неповторяющиеся гласные и согласные фонемы, сохраняя лишь неповторяющуюся гласную <о> в сильной позиции, которая в позиции нейтрализации может совпадать с фонемой <а> в одном звуке: **и – ра –**

ьрл – р – ы – лор – ы. В результате можно выделить дистантно повторяющиеся сегменты: **ра – рл, ры – ры; ьр – лр – ор; ир – ры – ры** Если же опустить и неповторяющуюся фонему <о>, то останутся лишь гласные верхнего и нижнего подъёма (крайние по признаку подъема) среднего ряда, но тяготеющие либо к переднему ряду (гласные верхнего подъёма) либо к заднему ряду (гласные нижнего подъёма): **и – а : и – ра – ьрл – р-ы – лр – ы.**

1.2. Во второй строке: **с клшáчďьď гьлвбѡď вл рту́** – существует три типа структурно подобных сегментов: закрытые: **шач; ѡьď; лв – ѡďв;** открытые: **ьлл; лша;** закрытый и открытый: **лв – вл; воď – вл.** Последнее сочетание **воďвл** представляет собой симметричные открытые слоги относительно центра симметрии палатального [ď]: **во – ѡ – вл.** Их можно представить в виде модели синтагматической последовательности, соответствующей синтагматике строки: **лша – шач – ѡьď – ьлл – лв – ѡďв – лв – вл – воď – вл.** Кроме того, структурно коррелируют первый и последний открытые слоги второй строки: **скл – рту.** По способу образования между слогами наблюдается прямая корреляция: фрикативный, взрывной, гласный – смычно-проходной /дрожащий/, взрывной, гласный. Зеркальная симметрия существует в динамике места образования: переднеязычный-зубной согласный – заднеязычный-задненёбный согласный – среднеязычный гласный; переднеязычный-передненёбный – переднеязычный-зубной – заднеязычный лабиализованный.

1.3. В третьей строке: **тр'и чѡртъ бьль ты чи'тв'ѡртыѡ** – опустим слово *было* с неповторяющимися согласными. В результате в синтагматической последовательности **тр'и чѡртъ ты чи'тв'ѡртыѡ** можно выделить 8 симметричных фонетических комплексов: **тр'и – рты** (результат метатезы согласных); **ич – ыч; и'т – ты** (результат метатезы согласного и гласного, зеркальная симметрия дистантных слогов); **ич – чи** (результат метатезы согласного и гласного, зеркальная симметрия дистантных слогов); **ыч – чи** (зеркальная симметрия контактных слогов); **ты – и'т** (так можно представить зеркальность в сегменте **тычи'т**); **ор – ор** (симметрична локализация в строке: второй слог от начала и второй слог от конца); **орт – орт.**

Моделируемый звуковой комплекс: **ы – ч – и'** соотносится с частями звукового комплекса второй строки: **ьлвѡďвл.**

Во-первых, моделируемый комплекс аналогичен по структуре полногласиям второй строки: **ьлл+лво** (**ьлвѡďвл** или **ьлво = ьлл+лво**), где все гласные являются вариантами одной фонемы, а согласные – длительными и звонкими: <л> – смычно-проходная боковая, сонорная; <в> – фрикативная, звонкая. В моделируемом комплексе

присутствуют два варианта одной гласной фонемы, а согласная – аффриката.

Во-вторых, по наличию центра симметрии моделируемый комплекс **ы – ч – и³** можно сопоставить с моделируемым комплексом второй строки: **во – ѓ – вл** (из **ьлвлвоѓвл**).

Зеркальность симметрии заключается в том, что в двух звуковых комплексах: **ычи³ – воѓвл** каждому гласному первого комплекса соответствует открытый слог со структурой согласный плюс гласный второго комплекса. Тогда центром симметрии являются аффриката [**ч**] и фрикативный звук [**ѓ**].

В целом звуковой комплекс второй строки: **ьлвлвоѓвл** можно представить и как симметричную структуру с центром [**во**]: **ьлвл – во – ѓвл**, где идентичны редуцированные [**л – л**], редуцированный [**ь**] сопоставим с кратким [**ѓ**], ударный гласный [**о**] является центром симметрии, согласные [**л**] – [**вл**] одинаково длительные.

1.4. В четвёртой строке: **плсл'эдн'иѓ ч'удныѓ ч'орт ф цв'и'т'у** – присутствует несколько полностью или частично повторяющихся сегментов: **дн – дн; ч – ч; ч – ч – ц** (начальные аффрикаты трёх контактно расположенных словоформ); смежные в речевом потоке (расположенные на стыке словоформ в синтагматической последовательности) **иѓ – ч, ыѓ – ч**, что сопоставимо с **и – ч** из третьей строки; в вокалической структуре IV строки появляются только звуки среднего и верхнего подъёма, а открытых гласных нет: **л – э – и – у – ы – о – и³ – у**; кроме того, в ней существует некая упорядоченность в последовательной смене движения (места образования) гласных: вперёд-вверх (**л – э**) вверх (**э – и**), назад (**и – у**), вперёд (**у – ы**), вниз-назад (**ы – о**), вперёд-вверх (**о – и³**), назад (**и³ – у**).

1.4.1. Проанализируем **консонантную структуру** четвёртой строки: **п – сл' – дн' – ч – дн – ч – рт – фцв'т**. В ней последовательно сменяют друг друга сложные по артикуляции звуки: фаукальные, или щелчковые, **дн' – дн** (см. Панов, 1967, 30, 37-38; Панов, 1979, 19) и аффриката [**ч**]: **дн' – ч – дн – ч**, где фаукальные **дн' – дн** образует слоги с вариантами одной фонемы <и>: **дн'иѓ – дныѓ**, а аффриката – с лабиализованными гласными заднего ряда **чу, чо: дн'иѓ – чу – дныѓ – чо**.

Артикуляция и фаукальных, и аффрикат предполагает не только смычку, но и свободный проход в носовую полость – в первом случае, щель – во втором. Отличие между фаукальными и аффрикатами заключается в одновременности или последовательности двух типов артикуляции. Одновременность присутствует в фаукальных: выдержка включает переднеязычно-зубную смычку и одновременное движение увулы вниз (увулярный щелчок), открывающий воздушной волне вход в носовой резонатор. Последовательность присутствует в аффрикатах: выдержка включает смычку и сменяющую её щель.

Таким образом, центральная часть четвёртой строки оказывается фонетически объёмна, так как здесь последовательно сменяют друг друга звуки, артикуляции которых свойственна одновременность или последовательность:

(А + В) ----- (А → В) ----- (А + В) ----- (А → В)

Структурная организация целого в определённом ритме дублируется частями этого целого.

Такой неполный изоморфизм целого и составляющих его частей – закономерен для поэтических текстов, в которых обязательно присутствует детерминированность (ритм) и вероятностность, узнаваемость и неожиданность (нарушение вероятностного прогнозирования на семантическом уровне).

1.4.2. Самый первый и самый последний согласные звуки строки – глухие взрывные: губно-губной [п] (самый простой по артикуляции) и переднеязычный зубной [т] (заметим, что самый первый и самый последний в строке звуки – губные: билабиальный согласный [п] и лабиализованный гласный [у]).

Симметрия строки резко нарушается вторыми от начала и конца сочетаниями звуков: **сл' – ртфцв'**. Хотя некий элемент зеркальной симметрии тут присутствует: первое сочетание звуков оканчивается, а второе – начинается смычно-проходными переднеязычными сонорными (боковым [л] и дрожащим [р]). Это частичное подобие полностью подавляется количественным несоответствием левого и правых составляющих этих сочетаний: **с – тфцв'**.

Если же оппозицию крайних элементов представить как единый звуковой комплекс: **с-т-ф-ц-в'**, то окажется, что все нечётные позиции в последовательности заняты фрикативными. Кроме того, в аффрикате <ц> частично присутствует артикуляция фрикативного [с] (вторая часть выдержки и рекурсия).

Заметим, что в некотором отношении комплекс **тфцв'** построен по принципу гирлянды: а) аффриката [ц] частично (экскурсия и первая часть выдержки) повторяет артикуляцию взрывного [т]; б) фрикативные [ф] – [в]' отличаются лишь по глухости/звонкости, твёрдости/мягкости; в) поочерёдно расположены переднеязычные-зубные [т], [ц] и губно-зубные [ф], [в'].

Таким образом, частичное подобие существует и между теми элементами, которые, на первый взгляд, разрушают симметрию строки: между сочетаниями согласных: **сл' – ртфцв'**; между согласными в сочетании: **тфцв'**.

2. Некоторые закономерности в соотношении гласных звуков в каждой строке строфы (строки обозначаются римскими цифрами):

I. и – а – ь – ь – л – ы – л – о – ы (9 гласных звуков, из которых 7 неповторяющиеся),

II. л – а – ь – ь – л – о – л – у (8 гласных звуков, из которых 6 неповторяющиеся),

III. и – о – ь – ы – ь – ы – и³ – о – ы (9 гласных звуков, из которых 6 неповторяющиеся),

IV. л – э – и – у – ы – о – и³ – у (8 гласных звуков, из которых 7 неповторяющиеся).

2.1. Открытый гласный [а] присутствует только в первых двух строках, причём в обоих случаях он ударный и расположен во втором слоге.

2.2. Если в первой и в третьей строках есть только нелабиализованные гласные звуки верхнего подъёма [ы], [и], то во второй строке появляется [у], а в конце строфы, в четвёртой строке, присутствуют уже все эти закрытые гласные: и – ы – у. Причём количество гласных верхнего подъёма к концу строфы увеличивается (в I строке – 3; во II – 1; в III – 5; в IV – 5).

3. *Лексико-семантические и фонетические корреляции в первой и в последней строке строфы, в результате которых создается обрамление текста*

3.1. Так как закрытые гласные требуют больших произносительных усилий, то низкая частотность открытого [а] в тексте, вероятно семиотически значима и является фонетической манифестацией понятия «напряжённость», метафорически выраженного в первой строке строфы:

Играй же на разрыв аорты...

3.2. Более того, фонетическая иконичность проявляется и в том, что в четвёртой строке присутствует несвойственное русскому языку сочетание из 5 согласных звуков: **ртфцв**.

4. *Межстрочная корреляция согласных звуков*

4.1. Так как четвёртая строка содержит сочетание из 5 согласных (**ртфцв'**), она обратно коррелирует со второй строкой, в которой есть комплекс (**ьлвобьвл**). Кроме того, сама четвёртая строка в оппозицию совершенно нетипичному для русского языка сочетанию из 5 согласных включает сочетание шумного с сонорными и два фаукальных: **сл'** – **дн'** – **дн**.

4.2. Межстрочная корреляция проявляется и в том, что в каждой строке повторяется противоречащее восходящей звучности и труднопроизносимое сочетание согласных **рт** (в III строке – дважды), причём в первых трёх строках оно расположено в последнем слоге (в III строке – и в третьем слоге), а в четвёртой строке – в предпоследнем слоге:

I	гр	зр	рт			
II	ск	ч	рт			
III	тр'	ч	рт	ч	тв'	рт
IV	сл'	дн'	ч	дн	ч	ртфцв'

4.3. Каждая следующая строка строфы усложняется и количественно и качественно: появляется больше сочетаний согласных звуков и сложных звуков, артикуляционно они становятся более разнообразными. Но каждая следующая строка обязательно содержит какой-нибудь элемент предыдущей строки: новизна и разнообразие сосуществуют с узнаваемостью и повторяемостью.

В I строке присутствуют только сочетания с дрожащим [р]: **гр – зр – рт**. Причём другой согласный может быть и заднеязычным [г] и переднеязычным [з], [р], и взрывным [т], [г] и фрикативным [з].

Во II строке сохраняется сочетание с дрожащим: **рт**, но появляется и сочетание шумных (переднеязычного и заднеязычного: **ск**), а также – шипящая аффриката [ч]: **ск – ч – рт**.

В III строке кроме трёх сочетаний с дрожащим (**тр’ – рт – рт**) и двух шипящих аффрикат (**ч – ч**) появляется сочетание шумных переднеязычных (**тв’**): **тр – ч – рт – ч – тв’ – рт**.

В IV строке сочетание с дрожащим очень усложняется (оно состоит из 5 звуков: **ртфцв’**), к шипящим аффрикатам (**ч – ч**) добавляется свистящая аффриката [ц] в составе сложного комплекса; появляются фаукальные (или щелчковые: **дн’, дн**), а также – сочетание: шумный + боковой сонорный (**сл’**): **сл’ – дн’ – ч – дн – ч – ртфцв’**.

4.4. Представим консонантную модель строфы, исключаящую все сочетания согласных, аффрикаты и фаукальные, обозначив их знаком минус (-):

I	-	ж	н	р	-	ф	-			
II	-	ш	-	г	л	в	в			
III	-	-	-	б	л	т	-	-	-	
IV	п	-	-	-	-	-	-	-	-	т

Корреляция существует:

а) между I и II строками: по звонкости/глухости различаются одинаково локализованные в строках шипящие (**ж – ш**) и губно-губные (**ф – в**);

б) между II и III строками: в них одинаково локализован боковой (**л – л**), идентичны по локализации в строках крайне-задний и крайне-передний звонкие взрывные (**г – б**).

4.5. На основе предыдущей модели создадим ещё одну модель, которая сохраняет только последовательность расположения согласных в строке:

I	ж	н	р	ф		
II	ш	г	л	в	в	
III	б		л			т
IV	п					т

В результате окажется, что существует парная межстрочная корреляция всех без исключения согласных. Коррелируют звонкие и глухие: а) переднеязычные шипящие (**ж – ш**); б) губно-губные (**б – п**); в) губно-зубные (**ф – в, ф – в** или **ф – в, в**). Коррелируют переднеязычный и заднеязычный (**н – г**). Коррелируют переднеязычные дрожащий и боковой (**р – л, р – л** или **р – л, л**). Идентичны: а) боковые (**л – л**); б) переднеязычные зубные (**т – т**).

4.6. Если же проигнорировать [**ѡ**] и принять во внимание то, что в комплексе из трёх согласных **фцв'** после предлога [**ф^в**] появляется очень слабый редуцированный, то количество согласных и групп согласных звуков в каждой строке образует арифметическую прогрессию (7 – 8 – 9 – 10), где первый член прогрессии – 7, а разность прогрессии – 1, n-ый член прогрессии равен 7+(n-1) или среднему арифметическому от двух соседних членов прогрессии:

I	гр	ж	н	р	зр	ф	рт			
II	ск	ш	ч	г	л	в	в	рт		
III	тр'	ч	рт	б	л	т	ч	тв'	рт	
IV	п	сл'	дн'	ч	дн	ч	рт	ф	цв'	т

4.7. Из 48 согласных фонем – 7 шипящих (2 фрикативные: <**ж**>, <**ш**> и аффриката <**ч**>, встречающаяся 5 раз в тексте), 1 свистящая (аффриката <**ц**>). Восемь шипящих и свистящих распределены по строкам следующим образом: 1 – 2 – 2 – 3.

4.8. Самые частотные согласные дрожащая <**р**> и взрывная <**т**> имеют одинаковую частотность – 9. Существует закономерность распределения количества употребления дрожащих звуков [**р**] – [**р**] по строкам в составе комплексов звуков: 3 – 1 – 3 – 1 (**гр, зр, рт – рт – тр', рт, рт рт**).

В 6 случаях из 9 [**р**] – [**р**] и [**т**] сосуществуют в сочетаниях: **рт** (5) и **тр** (1), но если в одном случае самый частотный переднеязычный-зубной взрывной сочетается с крайне передним (губно-зубным фрикативным [**в**]: **тв'**), то переднеязычный-передненёбный дрожащий – с крайне-задним (заднеязычным-задненёбным взрывным [**г**]: **гр**).

Все согласные в сочетаниях (за исключением **гр, ск**) близки по месту образования, а также легко произносимы (за исключением **ск, рт, ртфцв'**).

4.9. Исчезновение открытых гласных в III и IV строках и увеличение числа сочетаний согласных, последовательное приращение количества аффрикат (их нет в первой строке, одна аффриката [ч] – появляется во второй строке, две [ч] – в третьей строке, две [ч] и [ц] – в четвёртой строке), появление фаукальных - свидетельствует об усилении артикуляционной усложнённости к концу текста.

Артикуляционные тенденции каждого отдельного сегмента текста прямо коррелируют с артикуляционными тенденциями всего текста: как каждая строка оканчивается самым трудным для произнесения сочетанием согласных, так к концу всей строфы возрастает число трудных для произнесения звуков и сочетаний звуков.

5. Межстрочная корреляция гласных звуков.

34 гласных звука стиха тоже образуют ритмическую структуру, связанную не с чередованием ударных и безударных слогов, а с дифференциальными признаками гласных:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I	и	а	ь	ь	л	ы	л	о	ы
II	л	а	ь	ь	л	о	л	у	
III	и	о	ь	ы	ь	ы	и ³	о	ы
IV	л	е	и	у	ы	о	и ³	у	

5.1. В тексте наблюдается межстрочная (вертикальная) идентичность гласных в одинаковых по порядку следования в строке слогах: во-первых, по принципу гирлянды, дистантно, через строку: 1 (и – и, л – л), 3 (ь – ь), 6 (ы – ы, о – о), 8 (о – о, у – у), 9 (ы – ы) слоги; во-вторых, смежно, контактно, в соседних строках: 2 (а – а), 4 (ь – ь), 5 (л – л), 7 (л – л, и³ – и³) слоги.

5.2. Но и пары неидентичных гласных о – е; ы – у сопоставимы, так как первая пара объединяет гласные среднего подъёма, а вторая – гласные верхнего подъёма. Названные пары сопоставимы и между собой, так как обе они включают лабиализованные гласные (о – у). В парах же ь – и (3), ь – ы (5) все гласные звуки – закрытые, а внутри пар они идентичны по ряду.

Между планом выражения и планом содержания исследуемого поэтического текста, существует как обратная корреляция (фонетическая структурированность и семантическая неопределенность), так и прямая (семантической неопределенности, предполагающей спектр интерпретаций текста, соответствует “многослойность” фонетических структур). Наличие множества строго организованных фонетических

структур (моделируемых фонетических срезов) не только создает эффект динамической устойчивости звуковой организации текста, но и наглядно демонстрирует динамичность семиозиса, когда незнаковые феномены восстанавливают семиотические объект

Неподвластный сознательному освоению подсознательный звуковой уровень настолько совершенно организован (сложно и разнонаправлено ритмически структурирован), что создаётся звуко-символизм необычайной силы, при котором фонеция не просто иллюстрирует или дополняет лексико-семантические декларации, но и, усиливая, развивает или даже замещает их. Так лексико-семантическая (собственно семиотическая) недостаточность преодолевается с помощью субзнаковых средств: жестко организованных фонетических структур, стимулирующих смыслообразование.

Литература

- Ахматова, А. (1993) Собрание сочинений: в 6 т. Т.3. Москва.
- Гаспаров М.Л. (1990) Эволюция метрики Мандельштама // Ласунский О.Г. (ред.). Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама. Воронеж. С. 336-346.
- Гаспаров М.Л. (1993) Русские стихи 1890-х – 1925-х годов в комментариях. Москва.
- Гаспаров М.Л. (1995) Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., С. 327-370.
- Мандельштам, О.Э. (1990) Сочинения. Т.1. Москва.
- Нерлер, П. (1994) «С гурьбой и гуртом...» Хроника последнего года жизни О.Э.Мандельштама.. Записки Мандельштамовского общества. Т.5. Москва.
- Панов, М.В. (1967) Русская фонетика. Москва.
- Панов, М.В. (1979) Современный русский язык. Фонетика. Москва.
- Петровых, М. (1999) Домолчаться до стихов. Москва.
- Реформатский, А.А. (1987) Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., С. 104-117.
- Соболева, Л.И. (1991) Структура одного поэтического текста // Норман, Б.Ю. (ред.). Проблемы лингвистики текста. Минск. С. 249-259.
- Соболева, Л.И. (2009а) Антропоморфичность коннотации и ее реализация в поэтическом тексте // Руденко Е.Н. (ред.). Славянские языки: аспекты исследования. Минск. С. 191-196.
- Соболева, Л.И. (2009) Звукопись Осипа Мандельштама // Русский язык и литература. №4. С. 44-52.
- Струве, Н. (1992) Осип Мандельштам. Томск.
- Тернер Ф. (1995) Поэзия, мозг и время // Ренчлер И. – Херцбергер Б. – Эпстайн Д. (ред.). Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М., С. 74-96.